

Ровно десять лет назад — а именно в январе 1962 года — случилось так, что в ходе беседы мне пришлось спросить у Эдиты Пьехи: «Завидуете ли вы кому-нибудь?». Она сказала: «Спросите об этом у меня, допустим, лет через десять. Может быть, в то время я кому-нибудь и буду завидовать. Сейчас — нет...».

И вот теперь — в январе 1972-го — наша беседа именно с этого и началась.

— Эдита Станиславовна, сейчас вы кому-нибудь завидуете!

— Да. Но, как говорится, хорошей завистью, «белой». У меня зависть — как открытие собственных недостатков, открытие того, чего я еще не могу. Какому-то своему коллеге я завидую, очень завидую и стараюсь делать лучше то, что делала до сих пор... Зависть у меня, как ревность: почему я так не могу? Зависть заставляет меня всегда следить за собой, всегда быть в форме...

— Вы сказали «быть в форме»; а я вспомнил недавнюю беседу с Клавдией Ивановной Шульженко. Она говорила дословно так: «Хорошо делать то, что модно, — великое качество. И не каждому это дано. Вот здесь эталон для меня! — Пьеха. Всегда энергична, элегантна, всегда делает здорово то, что модно, всегда в форме... Не можете ли вы прокомментировать эти ее слова?»

— Мне очень-очень приятно, что Клавдия Ивановна вспомнила и про меня. Я питаю к ней искреннюю и профессиональную любовь. И это на всю жизнь... Я могла бы говорить и говорить об этой замечательной певице, но очень уж неловко получается: она про меня, я про нее, как в известной басне про кукушку и петуха. И все же пусть про меня думают, что хотят, все равно я скажу, я просто не могу упустить такого случая. Так вот, Клавдия Ивановна сыграла в моей жизни огромную роль. Она и сама про это не знает... Через какое-то время, как я пришла в ансамбль «Дружба», пение мне стало ненавистно. Да, да, именно так... Я пела всегда, пела везде, безумно любила петь, и вдруг такое... У меня произошел конфликт с самой собой. Раньше я пела и не думала о том, как пою. Пою, и все. От души, от сердца, от своих эмоций. Пела, как говорят, «натуром». А в «Дружке» в тот мо-

мент я стала много думать над внешней стороной песни, над ее оформлением, над формой. Наконец, все это вроде бы нашло... и потеряла «натуром». И я себя возненавидела... Однажды — это было, как сейчас помню, в Запорожье — я шла по улице и вдруг из репродуктора услышала женский голос. Я встала посреди улицы, как завороченная... И тут я твердо, наконец, поняла: главное в песне — душа, эмоциональность. Именно от сердца, и только от сердца, начинается

чуть не хуже, чем те, кто сидит в зале... Вот вы говорили про успех. А что это такое? Я не знаю... Я стараюсь петь песни, где моя тема.

— Какова же она, ваша тема!
— Тема человека, которого я ищу. Тема любви, которой не было, любви, которая должна быть. То есть, тема несвершившегося. У меня нет темы женщины, все повидавшей, все умеющей. Женщина, которая ищет свое счастье, борется за него, борется за то, чтобы никогда в жизни не было зла, — вот героиня моих песен.

Эдита Пьеха:

«СЧАСТЬЕ — БЫТЬ НА СЦЕНЕ»

песня. В то время я не знала (ведь я недавно приехала в Россию), кто это пел, как фамилия этой замечательной певицы. Но ее голос долго звучал во мне, этот голос я запомнила навсегда. У меня появилось мерило, появился учитель... Только потом я узнала, что это пела Шульженко. Стала искать встречи с ней, встретились, но это совсем уже другая история...

— Да, интересно... Значит, певице, кроме голоса, нужна...

— Душа. Сердце. И голова...

— А внешность! Задаю этот вопрос только потому, что поговаривают, будто Пьеха повезло с внешними данными и в этом, мол, ее главный секрет, что вообще привлекательность певицы служит гарантией успеха...

— О, это сущая ерунда. Все это неправда. Некрасивых женщин вообще нет. Просто есть женщины, которые еще не раскрыли своей красоты. Так вот, некрасивых певиц, точно так же, как и некрасивых женщин, не существует. Красота певицы — ее душа, ее ум, которым она скрасит все свои недостатки. Красота певицы — ее песни... Вот я немного вернусь назад, к словам Клавдии Ивановны, что я, мол, всегда элегантна, модна. Нет, дело не в этом. Просто я стараюсь быть ни-

когда не бываю смертям, никогда не рыдать матерям — вот моя тема. Песня Фляковского на слова Рождественского, «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу» — первая моя песня, где, мне так, кажется, впервые прозвучала моя тема. Наверное, поэтому до сих пор она одна из самых моих любимых.

— А у вас есть нелюбимые песни!

— Нет. Я просто не запоминаю песен, которые не нравятся... Только на своих ошибках, на своем личном опыте я научилась понимать, что мне нравится, что не нравится. Мои вкусы... Они были мною выстраданы.

— И каковы же они!

— О, мои вкусы сугубо субъективны. Это никому не интересно.

— Что вы любите больше всего в жизни!

— Больше всего я ценю движение... Самое страшное, по-моему, тишина. Когда либо все закончено, либо еще не начиналось... Да, больше всего не люблю тишину. Никаких планов, никаких мыслей, никаких новых песен. Абсолютный застой... И, наверное, поэтому ненавижу ездить поездом. Слишком-слишком медленно. Этот день для меня мука...

— А ваш самый счастливый день!
— На этот вопрос ответить очень сложно. Можно быть счастливой певицей, счастливой матерью, дочерью, женой. И, наоборот, можно быть несчастной матерью, женой и т. д... Нет, я не бухгалтер, своих счастливых дней я не считала. Они были у меня... И много... Но сколько? И какой из них самый счастливый?.. Я счастлива, когда не болеет моя дочка. Счастлива, когда встречаюсь с талантом. Счастлива, когда выхожу на сцену, когда слышу аплодисменты, когда люди приходят на мой концерт...

— И вы довольны собой! Вам все же себе нравится!

— Быть довольной собой — значит остановиться, значит, стоять на месте. Если бы это случилось, я бы себя возненавидела... Как в свое время возненавидела ходить в гости: обязательно заставят петь...

— А что вы сейчас любите делать! Вот вы недавно первый раз снялись в кино. Ну и как, понравилось!

— Очень. Может быть, потому, что это был отдых от песни, какая-то передышка... Я попала в область, где встретила что-то новое, интересное. Говорю «что-то», так как уже приходилось сниматься с исполнением своих песен, записываться на телевидении. Не могла же я там стоять, как колонна... Так вот, мне показалось, что работа киноактера менее трудна, чем работа певицы. Может быть, я ошибаюсь, может быть... Певец должен петь и добавок еще играть. А актер только играет. И зря, по-моему, бытует мнение: «Ну, какая она актриса, она же певица»... Нет, она актриса. Актриса своего жанра, своего плана... В общем от кино у меня остались самые восторженные впечатления. И я затаила мечту сняться еще раз. Но уже, конечно, не в роли шпионки. Сняться в роли женщины, которая ищет свое счастье, борется за это счастье, сниматься в роли, где есть моя тема. Та самая тема, о которой я уже вам говорила.

— Эдита Станиславовна, последний вопрос. Что бы вы пожелали самой себе!

— Никогда не конфликтовать с собой... И постараться, ну хоть когда-нибудь, победить свои недостатки и свои слабости.

Беседу вел Е. ФАДЕЕВ.